

ЖАКИ РОШЕ,

актер, режиссер, драматург, художественный руководитель и директор театра "Кронос", мэтр г. Монтегар (Франция)

ВЗГЛЯД НА РУССКУЮ КУЛЬТУРУ В СЕГОДНЯШНЕМ МИРЕ РЫНКА

Имею ли я право говорить о русской культуре? Как только мне предложили выступить на этой конференции, я прежде всего постарался понять суть. И возникла тьма вопросов. Каким образом Жаки Роше, французский режиссер и актер, мог бы хоть чуть-чуть осветить свое понимание развития русской культуры?

Действительно, я всегда чувствовал интерес к тому, что Россия смогла породить художников уровня Достоевского и Римского-Корсакова, Толстого и Чехова, Пушкина и Шагала, это сильно привлекает. Конечно, покорен спектаклями, такими, например, как этим летом на фестивале в Авиньоне, в качестве зрителя блистательного Островского, представленного труппой ГИТИСа из Москвы; конечно, сюда же надо прибавить художественный обмен, начавшийся в 1991 году между Санкт-Петербургом и Францией с Сергеем Замооровым, а потом с Романом Громадским; все это позволяет погрузиться в русскую современную культуру. И на практике совместная русско-французская постановка по Чехову / Шекспиру питает это скрещивание двух культур (подлинное раскрытие происходит в реальном противопоставлении и в решении и выразительности художников двух разных стран). Но нет, всего этого было бы недостаточно для выступления. Мотивы гораздо глубже:

— русская культура — это скрещивание различных ориентаций, возникших в шквале политических перемен последних десяти лет. Она вбирает в себя все, что происходит вне и внутри страны;

— в этой связи она переживает те же надежды, те же опасности, проблемы, как европейская культура. Как понять, какова да и будет ли значима ее роль при входе в третье тысячелетие? Какую задачу ставит она перед собой, если говорить о функции культуры? Какое место готово отвести ей общество?

Культура гуманитарна. Могу ли я начать с того, что уточню само слово “культура”? Один японский учитель, цитируемый Эдуардом Эррио, утверждал: “Культура — это то, что остается в человеке даже тогда, когда он все забыл”. Забывчивость — это самое простое проявление человеческой подлости, хотя это то, что его, возможно, спасает от краха, бережет и самокритичность и противоречивость. Забывчивость (между обязанностью помнить и желанием открывать) оказывается оружием дьявольским. А если говорить о культуре, то конфликт между консервативностью традиции (фольклор) и художественным поиском предполагает либо свободу от творчества, либо забвение реальности.

Искусство или культура? Путешествия по таким разным странам, как Йемен или США, обязывают меня быть осторожным.

Мой взгляд на Санаа был скорее взглядом этнолога, подтверждающим, что культура есть культ гармонии единства, где искусство и художник тесно связаны с повседневной жизнью. Историческое наследие, устные традиции, музыкальное и поэтическое творчество пронизывают все, вплоть до архитектуры, йеменской столицы; искусство — часть жизни.

Мое видение американской культуры будет представлением существа, разорванного на потребителя элитарного искусства и зеваку, утонувшего в картинках, звуках, словах, тут же забытых. Культура занимает свое место наряду со спортом или сексом.

Мое определение культуры будет связано с образом общества, которое ее “подогревает”, питает целями, сомнениями, бунтом, проникновением — всем тем, что есть у художника.

“Секрет искусств в исправлении природы”, — говорил Вольтер. Культура отличает человека от всего животного мира. Она его поднимает, воспитывает, строит, преобразует.

Культура гуманитарна.

Культура содержит в себе “открытие в ...”. Любознательность питает искусство свежими переживаниями, которые приобретают важное значение в эволюции человека. Она есть ведущий фактор в поиске идей, замыслов.

Разнообразие развивает человека в его поиске удовольствий и свежих впечатлений. Скрещивание сходных культур обогащает их фундаментальность. Музыка преодолевает границы и расширяет возможности коммуникаций. Более чем когда-либо наша планета Земля, испещренная разными путями, оказалась мала. Любой рассказчик нуждается в публике, сколь мало бы ее ни было. Он может оказаться на очень узком пространстве, опасаясь замкнуться в своем убогом регионализме (местечковости); но он готов противопоставить себя и другой публике. Так, африканский сказитель встречает в Западной Европе огромную аудиторию. Примеры повсюду: искусство цирка, танец, музыка... 1990-е годы стали годами “музыки мира” (world music). Квартет “Кронос”, созданный на американской классике, мешает основы джаза с африканскими барабанами и восточными мелодиями, создавая современную музыку. Вы мне скажете, что Бела Барток не стал ждать нашего века, чтобы вобрать корни народной культуры и фольклора, а цыганские музыканты уже давно стали провозвестниками подобных скрещиваний. Новизна и есть переход от заимствования к обмену. Искусство театрального слова движется тем же путем, но с большими трудностями — из-за языкового барьера.

Процессы в области культуры можно порой сравнить со взрывом; это чревато разрушениями, но, с другой стороны, если замыкаться только на знании и опыте, это омертвит и превратит культуру в сугубо музейную. Это касается и России.

Русская культура нуждается в скрещивании. Разумеется, русские художники не дожидались 1980-х годов, чтобы проявить свой интерес и свою открытость. И не в этом ли городе, не в Санкт-Петербурге ли мы видим пример культурного взаимопроникновения? Историческое значение французского языка в русской литературе, в частности, показывает: окно в Европу и в мир открылось

не вчера! Напротив, множество писателей, актеров, художников, музыкантов “экспортировались” физически или своими произведениями — добровольно или по принуждению — и в XIX веке и в XX. Русская культура прочно обосновалась в разных районах мира.

Новое в сегодняшней русской культуре — это полная открытость ее общества в существующий мир после длительной изоляции. Это уже не окно, которое приоткрывается, а закрытое пространство, где вдруг убрали все ограждения. То есть, взаимопроникновение может идти в любых направлениях. Новые богачи, с одной стороны, явление многообещающее, а с другой — таящее множество опасностей. В этом взрыве русская культура ищет свои скрещивания; они найдутся. Опыт определит нужные направления, даже если для этого надо будет пройти длинный путь. Будет тысяча и одна дорога, подчас в тупик, подчас к черту в зубы, но из этого непременно родится некое богатство, если конечно, удастся избежать определенных ловушек.

Русское искусство в мировом масштабе. Необходимость открытости назрела. В связи с процессами, происходящими в России, ее культура казалась ущемленной. Конечно, художественное образование в России было одним из наиболее привлекательных, положение одаренных художников было привилегированным (в отличие от большинства других стран!). Но человек интересуется другим. Бездвижность системы должна была закончиться.

И вот русские артисты заявляют о себе повсюду. Только за последние пять лет: музыкальные коллективы, танцоры играют на сценах всего мира. Речь идет уже не только о таких “солидных структурах”, как “Ансамбль песни и пляски Советской Армии”, за которым укрепился штамп культурной экзотики. Кроме известных коллективов, это группы неформалов, талантливые индивидуалы, независимые авантюристы, короче, самые разные художественные проявления. Нельзя не увидеть в этом жажду оживления.

Эта “экспортация” отвечает желаниям открытости культуры, но в этом есть и некий минус. Это относится к вопросам экономическим. Спектакли, представленные за небольшую стоимость за границей, компенсируют финансовые трудности на русской земле; к тому же иногда они дают солидную прибыль. И порой денежный мотив определяет самую несусветную авантюру! В последние годы мы даже видим некоторый протест французских музыкантов перед лицом конкуренции с более дешевыми русскими классическими оркестрами (действительно талантливыми).

Равным образом увеличивается количество иностранных спектаклей в России. Театр, танец, музыка, выставки, варьете приглашаются, но при большой разнице в организации между мероприятиями, материально поддержанными стабильными двусторонними связями и приемами, либо лишенными всякой поддержки. Конечно, эти приглашения не новость: Жильбер Беко уже пел “La place Rouge” (“Красная площадь”), но сейчас Патрисиа Каас или Майкл Джексон передвигаются гораздо больше!

К тому же между артистами, творческими движениями завязываются новые художественные связи и культурное родство. К сожалению, очень часто выбирать приходится только между отсутствующим финансированием или ... аферами! И если это возможно для известных артистов разных стран (и их establishment), то со спектаклем совсем неизвестным приехать в Россию довольно сложно. Похоже, что закон рынка тут жесток.

Знаки перемен, тем не менее, есть, и даже позитивные. Однако речь идет исключительно об обменах спектаклями и представлениями, о том, что называется “художественной продукцией”.

Нам остается надеяться на обмен в творчестве, в художественной работе, в реальном взаимодействии вдохновения и опыта.

Убогая всемирность. Взаимный культурный обмен с Россией выявил то, что давно известно в других странах.

Роль денег и законы производства концентрируют искусство на рентабельности. Ориентация на “звездность” глубоко и уродливо разрушает художественное творчество.

Опасность “культуры Кока-кола” здесь велика и жестока. Открытость России способствует трудности переваривания или, наоборот, пресыщению западными штампами, наиболее поверхностными, наиболее кричащими, смехотворными и нелепыми. Все это движение будет

обманом, иллюзией, если русские сами потеряют бдительность. Западные страны во главе с США продают только то, что им выгодно, и наводнение “от Далласа” грозит риском сильно обеднить русскую культуру.

Жадность к массовым иностранным продуктам потребления несет в себе зародыш потери идентичности (потери себя). Перед Россией стоит вопрос: как сберечь таланты, художественное образование, свои корни. Между замкнутостью на себе и безоглядной открытостью в новом пространстве русская культура должна выбрать третий путь. Это активное участие в мировом процессе:

- развивать свои особенности, корни и таланты;
- интегрировать и обогащаться мировым опытом через совместное сотрудничество;
- не бросаться за сиюминутной выгодой и не продаваться аферистам от искусства. Стало невыносимо для русских, да и для нас тоже, невероятное удорожание цен на билеты на спектакли и концерты. Экономический подход к художественному творчеству становится реальным препятствием, в корне меняющим старинный обычай регулярных публичных выступлений.

Частное финансирование не может быть единственным источником. Подъем, связанный с публичным частным или иностранным сектором, есть единственная гарантия против мафиозных влияний, нацеленных на поверхностные представления, рассчитанные на нескольких привилегированных. Стоит помнить, что эти “добрые дела” эфемерны и иллюзорны.

Станем ли мы одинаковыми? Россия в уродливой форме показывает нам то, что для нас уже является препятствием в культурном развитии. Мы все в одном движении. Культура должна проявлять в себе акт сопротивления, прежде всего при взаимодействии с законами рынка (в связи с этим вызывает беспокойство международный проект АМІ). Он отходит от нашей гармонии, от нашей целостности.

Сила русской культуры в том, что она имеет, и уже давно, свое представление о сущности жизни. Обобщенная практика, оборудованные залы, общенародное уважение к художникам и их таланту не должны потеряться (исчезнуть); это будет совсем непростительно.

У России есть шанс не позволить в государственном масштабе культуре зависеть от состояния экономики. Фольклор, традиции, искусства и воплощение очень тесно связаны. У нее есть шанс не успеть! Вам надо сберечь то, что наши западные страны тщетно стараются найти. Без предвзятости, без смехотворной ностальгии, но для развития современного искусства. У нас нет возможности ни научить вас, ни подсказать готовую модель.

Все вместе мы обязаны в здравом уме помогать друг другу в этой всемирности, которая нивелирует то, что по сути представляет разницу. Обменяемся и сбережем наши различия!

В заключение. Если русская культура оставит свою системную изоляцию, будет катастрофа, как и в том случае, если она “заглотит” обедненные модели, держащиеся только на законе денег.

Она должна постепенно переваривать скрещивание, дабы предупредить пресыщение от культурной продукции, которую она не сможет принять. Опираясь на талант, на коллективную силу художественной практики, которая известна русским очень давно, опираясь, наконец, на то, что есть источники творчества, то есть на искусство и на интеллектуальную честность, русская культура, я в этом уверен, есть носитель будущего. Если культурные контакты с заграницей строятся на экономической справедливости, на взаимной творческой заинтересованности и на бдительности ко всякого рода эфемерностям, половина дела уже выиграна.

Итак, побольше терпения. А лично я всегда здесь, с вами, в этой борьбе. Утверждал же Виргилий: “Все наскучит, кроме ученья”.

(Перевод статьи — С. Заморева).